

3. Про затвердження Інструкції про порядок фіксування судового процесу технічними засобами: Наказ Державної судової адміністрації України від 21.07.2005 р. № 84 [Електронний ресурс] // Система “НАУ-Online”. — Режим доступу: <http://zakon.nau.ua/doc/?code=z0868-05>.
4. Про затвердження Інструкції про порядок роботи з технічними засобами фіксування судового процесу (судового засідання): Наказ Державної судової адміністрації України від 20.09.2012 р. № 108 [Електронний ресурс] // Система “НАУ-Online”. — Режим доступу: <http://zakon.nau.ua/doc/?code=v0108750-12>.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. — К.; Ірпень: Перун, 2003. — 1440 с.
6. *Зубов Г.* О соотношении понятий “файл” и “фонограмма”, “копия” и “оригинал” в практике фоноскопической экспертизы [Електронний ресурс] // Вэб-сайт “Судебная видео-фоноскопическая экспертиза”. — Режим доступу: http://фоноскопическая.рф/articles_and_publications/Soundtrack-soundfile/.

**Т.В. Будко, доктор юрид. наук, профессор,
ученый секретарь**

*Украинский НИИ спец. техники
и суд. экспертиз СБ Украины*

**А.Л. Ованнисян, канд. филол. наук,
главн. судебный эксперт**

Киевский НИИ судебных экспертиз

СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА УСТНОЙ РЕЧИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Необходимость в обращении к вопросам, рассматриваемым в данной работе, обусловлена как несовершенством знаний, используемых при проведении экспертно-лингвистического исследования устной речи, так и наличием внутренних и внешних методологических и иных противоречий, которые препятствуют нормальному функционированию и дальнейшему развитию данного вида исследований.

Некоторые из упомянутых противоречий обусловлены историческими факторами формирования экспертных исследований записей устной речи. Обычно разработка нового экспертного направления начинается, когда 1) существующие методы исследования материала не дают стопроцентной уверенности в объективности полученных выводов, что вызывает необходимость получения дополнительных доказательств их обоснованности, в том числе и с использованием специальных знаний из других областей науки; 2) развитие научных знаний

позволяет вовлечь в поле экспертных исследований новые вещественные доказательства с целью получения информации о фактических данных, имеющих отношение к рассматриваемому уголовному делу.

К моменту формирования экспертно-лингвистического исследования устной речи судебными и правоохранительными органами уже активно использовалась судебно-автороведческая экспертиза, при проведении которой решались разноплановые идентификационные, классификационные и диагностические задачи в отношении информации, содержащейся в письменных текстах. Наверное, было бы закономерным, чтобы новое экспертное направление сформировалось тогда именно в орбите уже существующего родственного вида экспертизы с целью расширения “горизонтов” применения лингвистических знаний в экспертной практике.

Тем не менее, судебно-лингвистическое исследование устной речи получило “прописку” в экспертной практике в качестве лишь одного из дополнительных методов исследования звучащей речи в рамках фоноскопической экспертизы, при проведении которой решались задачи, имеющие отношение как к техническим аспектам осуществления видеозвукозаписи (например, установление признаков монтажа записи, применяемых средств видеозвукозаписи и т.п.), так и к вопросам идентификации физическими методами голосовых особенностей диктора, речь которого зафиксирована на техническом носителе видеозвуковой информации. Использование при проведении фоноскопической экспертизы дополнительных лингвистических методов исследования устной речи было обусловлено пониманием несовершенства возможностей проведения идентификации голосовых особенностей диктора только физическими методами, равно как и идентификации диктора только по признакам его голоса вообще. Развитие знаний о механизмах порождения и реализации устной речи показало, что рассмотрение голосовых (акустических) характеристик в отрыве от многообразных аспектов формы и содержания речи, выходящих за рамки физического исследования, приводит к фрагментарности, незавершенности, а иногда и к ошибочности идентификационного исследования личности говорящего. Поэтому и возникла необходимость, с одной стороны, в дополнении физических методов исследования голоса иными, нетехническими методами, позволяющими выявлять индивидуальные, диалектные, возрастные и иные особенности произношения, а с другой стороны, — в целом расширить круг вопросов экспертизы устной речи, решения которых требовала оперативная, следственная и судебная

практика и которые, в свою очередь, выходили за рамки компетенции сложившейся на то время фоноскопической экспертизы.

Аналогичная картина в свое время наблюдалась при формировании экспертных исследований письменной речи (судебно-автороведческой экспертизы). Вплоть до 70-х годов прошлого столетия лингвистические знания выполняли вспомогательную роль при исследовании документов, когда признаки письменной речи использовались лишь для подкрепления выводов почерковедческой экспертизы. Картина изменилась с появлением работ выдающегося харьковского ученого С.М. Вула, среди которых следует особо отметить его “Криминалистическое исследование признаков письменной речи” [1] и “Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи” [2].

Совершенно логично, что, несмотря на “пребывание” в фоноскопической экспертизе, лингвистические исследования устной речи формировались, прежде всего, на методологической основе родственной судебно-автороведческой экспертизы письменной речи.

Таким образом, новое экспертное направление сложилось на научно-методической основе родственного вида экспертизы, но в рамках совершенно другого по своей гносеологической природе вида и на основе общности не объекта или предмета исследования, а материального носителя. Так, исследования письменной речи (судебно-автороведческая экспертиза) отнесены к экспертизе документов, т.к. письменная форма речи фиксируется на материальных носителях — документах, а исследования устной речи отнесены к экспертизе материалов видеозвукозаписей, потому что устная речь фиксируется в материальных носителях — звукозаписях (аудиокассеты, аудиодиски и др.).

Некоторый “перекос” в формате рассматриваемых видов экспертных исследований со временем стал причиной возникновения проблем, связанных и с расширением круга решаемых задач, и с развитием новых направлений, востребованных, как уже говорилось, судебной, следственной и оперативной практикой. Так, на сегодняшний день в рамках судебно-лингвистической (судебно-автороведческой) экспертизы письменной речи, помимо вопросов, непосредственно касающихся автора (исполнителя) письменноречевого текста, решаются задачи, относящиеся к содержанию текста, к особенностям его стилистического оформления и прочие, что предполагает использование не только чисто лингвистических знаний, но и смежных с ними. К примеру, давно и успешно осуществляется не только идентификация (дифференциация)

автора или исполнителя письменноречевого текста, но и устанавливается их социально-демографический портрет, психофизиологическое состояние, наличие устойчивых патологий рече-мыслительных процессов, распознаются необычные условия составления текста (в соавторстве, под диктовку, посредством переписывания/перепечатывания, использования электронного варианта чужого текста), наличие признаков, свидетельствующих о намеренной лжи автора, маскировке своего авторства или иных элементов речевой ситуации, в оперативных целях решаются вопросы о степени реальности высказанной в тексте угрозы, об источнике утечки информации и т.д. С развитием демократических устоев в государстве, предполагающих как неотъемлемую составляющую свободу слова, особое распространение получили экспертизы, в которых решаются задачи смыслового характера — о наличии в том или ином тексте призывов к свержению существующего конституционного строя, захвату власти насильственным путем, о пропаганде войны, о содержании в тексте высказываний, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию граждан, о наличии высказываний, которые могут привести к межнациональным, межконфессиональным конфликтам, массовым беспорядкам и многое другое. При этом зачастую устные выступления отправляются к экспертам-фоноскопистам лишь для того, чтобы те зафиксировали на письме дословную расшифровку указанных выступлений с тем, чтобы в дальнейшем их передать для полноценного экспертного исследования в подразделения, где проводятся более развитые методологически судебно-лингвистические (судебно-автороведческие) экспертизы письменной речи.

Если у судебно-лингвистической экспертизы письменной речи проблемы лежат в плоскости обновления имеющихся методических разработок и в создании новых на стыке со знаниями из других наук, в том числе — не смежных с лингвистикой (как, например, комплексной экспертной методики лингвистической и правовой оценки информации, содержащейся в тексте), то в судебно-лингвистических исследованиях устной речи наблюдается фактически методический вакуум в части решения неидентификационных задач. Нельзя сказать, что в этой области ничего не предпринимается: периодически проводятся экспертизы на высочайшем уровне, но они не поставлены на поток и напрямую зависят от так называемого субъективного фактора — личности эксперта, его компетентности, творческих способностей и пр.

Ограничение судебно-лингвистических исследований устной речи в течение длительного времени, по сути, рамками вспомогательного

или дополнительного метода в экспертизе материалов видеозвукозаписи, привело к научно-методической стагнации, которая выливается в отставание от задач правоохранительных, правозащитных и судебных органов. В настоящее время, хотя и с нарушением принципов классификации, но судебно-лингвистические исследования устной речи выделены в самостоятельный подвид экспертизы материалов видеозвукозаписи. Здесь не прослеживается общности критерия классификации подвидов экспертизы по объекту исследований, по области применяемых знаний и т.д., что очевидно даже из названий включенных в нее специальностей: “Исследование материалов и средств видеозвукозаписи”, “Исследование диктора по физическим параметрам устной речи; исследование акустических сигналов и среды”, “Лингвистическое исследование устной речи”. В рамках одной экспертизы по-прежнему осуществляются и технические исследования носителей видеозвуковой информации, способов ее технической фиксации, и физические исследования акустических характеристик речи (в первую очередь, голоса), иных звуковых сигналов, и лингвистические исследования речи с целью установления индивидуальности идиолекта диктора, а следовательно, и его личности.

В целом общность механизма образования, формирования и развития навыков письменной и устной речи, их взаимосвязь и взаимозависимость, общность научной базы для проведения экспертных исследований двух форм речи, единство целей и задач подсказывают целесообразность объединения данных исследований и выделения в самостоятельный класс судебных экспертиз — судебно-лингвистическую экспертизу речи с двумя ее родами: экспертизой письменной и экспертизой устной речи, а, соответственно, и с официальным утверждением в рамках указанного класса экспертных специальностей — “исследование письменной речи” и “исследование устной речи”. Это не новая мысль, об объединении исследований устной и письменной речи в единую экспертизу с общей теорией или наукой в ее основе, по-разному, но уже давно высказывались такие ученые, как Г.Л. Грановский, Э.К. Ребгун, Г.Н. Коблякова, А.Ю. Комиссаров, Е.И. Галяшина и др. [3–8]. При этом ни экспертиза письменной речи, ни экспертиза устной речи не могут считаться криминалистическими в традиционном понимании этого термина, их следует отнести к области судебных некриминалистических экспертиз по типу судебно-биологической, судебно-психологической экспертиз, так как криминалистика здесь играет только общеметодологическую роль. Ушли в прошлое те времена, когда лингвистика по-

могала почерковедам указать при выводе о тождестве исполнителя на наличие в рукописях одних и тех же орфографических или пунктуационных ошибок, а фоноскопистам — подтвердить свой вывод наличием “оканья” или “аканья”. Нынешние все более усложняющиеся задачи, которые ставит перед экспертом практика, могут решать только лица с базовым филологическим образованием и при наличии специальной экспертной подготовки, конечно же, включающей изучение криминалистики.

Нельзя отрицать, что, постепенно развившись в самостоятельную область экспертных исследований, судебно-лингвистическая экспертиза письменной речи вышла из криминалистики с бесценным подспорьем — теорией криминалистической идентификации, теорией криминалистической диагностики, учением о следах и пр., из судебного почерковедения она вобрала в себя алгоритм проведения исследований, требования к образцам и многое другое. Зарождение судебно-лингвистической экспертизы письменной речи в криминалистической экспертизе документов было абсолютно логичным и органичным. С этих позиций точно так же целесообразным и органичным было формирование судебно-лингвистических исследований устной речи в лоне криминалистической фоноскопической экспертизы. А потому трудно себе представить, чтобы, помимо криминалистических знаний, судебно-лингвистической экспертизе устной речи нечего было бы взять из фоноскопии.

Одним из основополагающих принципов объединения экспертных исследований в определенный класс, род, вид или подвид, разных методов исследования в рамки методического обеспечения одного вида экспертизы является общность объекта и предмета исследования, общность или пересечение сферы знаний, положенных в основу исследований и т.д. Понимание огромного многообразия факторов, при участии которых формируется и реализуется устная речь, и которые подлежат исследованию физическими и лингвистическими методами, приводит к выводу о пропорциональном несоответствии информационной значимости последних. Объем и разноплановый характер информации об языковой личности, получаемой в рамках лингвистического исследования устной речи, свидетельствует о доминирующем значении данных исследований, как при решении идентификационных, так и неидентификационных задач. Это отнюдь не означает, что исследования речи, проводимые физическими методами, утратят свою актуальность. Так, например, трудно переоценить их значение при определе-

нии голосовых характеристиках диктора. Но обязательно ли при этом проводить комплексное исследование двумя специалистами в разных областях знания — физики и лингвистики? В настоящее время сплошь и рядом наблюдается взаимопроникновение, казалось бы, далеких друг от друга наук. К примеру, математические методы исследования легли в основу многих направлений прикладной лингвистики, так же, как и акустические методы исследования процесса речепроизводства широко используются при обучении на филологических факультетах университетов при изучении курсов фонетики. Разработаны и успешно применяются компьютерные программы анализа физических параметров речи, например, “Фонэкси”, освоение которых не представляет особых трудностей для лингвистов в том числе. Комплексное исследование устной речи физическими и лингвистическими методами одним специалистом позволило бы искоренить проблему нестыковки выводов экспертов, проводящих раздельное исследование речи (что характерно и для других видов комплексных экспертиз).

Суть указанной проблемы заключается, прежде всего, в различных подходах к определению пригодности речевого материала для экспертного исследования. Так, при анализе речи физическими методами основополагающим критерием пригодности является качество записи, а продолжительность речевого материала отходит на второй план. Совсем иная ситуация складывается при лингвистическом исследовании устной речи: перцептивные возможности слуха позволяют проводить анализ речи с невысоким качеством записи, однако для установления и оценки устойчивости, индивидуальности соответствующих признаков необходим большой объем речевого материала. В случае, когда экспертизу проводит один и тот же специалист, ему, безусловно, легче определить значимость каждого установленного или неустановленного признака, чем когда исследование разных аспектов речи проводят разные специалисты, не имеющие возможности определить значимость установленной ими информации в комплексе.

На наш взгляд, на сегодняшний день назрела необходимость в подготовке специалистов универсального профиля, которые обладают знаниями, необходимыми для исследования как лингвистических, так и физических свойств устной речи. Приведет ли это к выходу за рамки предлагаемого класса судебно-лингвистических экспертиз? Нет, потому что физические методы исследования при этом будут играть вспомогательную роль, как когда-то эту роль играли лингвистические методы исследования в фоноскопии. Точно так же использование ма-

тематических методов, психологических, психиатрических и других знаний в судебно-лингвистической экспертизе письменной речи не распорошило ее на новые виды, не разрушило ее стройную систему, а только обогатило.

Как известно, любая наука обладает способностью к неограниченной аккумуляции знаний, при этом рано или поздно наступает период в ее развитии, когда накопление знаний достигает критической массы и в недрах этой науки рождается новая смежная или прикладная наука, а иногда и формируется новая комплексная область знаний.

“Всю историю науки пронизывает сложное, диалектическое сочетание процессов дифференциации и интеграции: освоение все новых областей реальности и углубление познания приводят к дифференциации науки, к дроблению ее на все более специализированные области знания; вместе с тем потребность в синтезе знания постоянно находит выражение в тенденции к интеграции науки. Первоначально новые отрасли науки формировались по предметному признаку — сообразно с вовлечением в процесс познания новых областей и сторон действительности. Для современной науки становится все более характерным переход от предметной к проблемной ориентации, когда новые области знания возникают с выдвиганием определенной крупной теоретической или практической проблемы” [7, с. 404]. Аналогичное происходит и в теории судебных экспертиз: одни виды экспертиз исчезают, другие распадаются или дробятся, а третьи превращаются в мощные классы исследований. Дальнейшее же игнорирование объективного положения дел в судебно-лингвистической экспертизе устной речи приведет ее в упадок, а экспертов соответствующей специальности в ремесленников.

Список использованной литературы

1. *Вул С.М.* Криминалистическое исследование признаков письменной речи / С.М. Вул. — К., 1973. — 42 с.
2. *Вул С.М.* Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи: Метод. пособие / С.М. Вул. — М.: ВНИИСЭ, 1977. — 109 с.
3. *Галяшина Е.И.* Основы судебного речеведения / Е.И. Галяшина. — М., СТЭНСИ, 2003. — 236 с.
4. *Грановский Г.Л., Ребгун Э.К.* О теоретических основах судебной фоноскопии / Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью: Тезисы науч.-практ. конф. / Г.Л. Грановский, Э.К. Ребгун. — К., 1983. — С. 222–224.
5. *Коблякова Г.Н.* Судебная диктономическая экспертиза — новый вид криминалистической экспертизы / Г.Н. Коблякова // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. — М., 1987. — С. 6–11.

6. *Комиссаров А.Ю.* Методические и теоретические проблемы криминалистического исследования речи / А.Ю. Комиссаров // Вопросы теории судебной экспертизы и совершенствования деятельности судебно-экспертных учреждений. — М., 1988. — С. 62–67.
7. *Литвин Т.В.* Неидентификационные исследования в судебно-лингвистической экспертизе письменной речи: Монография / Т.В. Литвин. — К., 1995. — 395 с.
8. *Ребгун Э.К.* Некоторые аспекты проблем криминалистического исследования речевой деятельности / Э.К. Ребгун / Проблемы криминалистической экспертизы видео- и звукозаписи. — М., 1990. — С. 89–98.
9. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.

А.А. Кирдун, канд. филолог. наук, зав. лабораторией

*ГУ “Центр судебных экспертиз и криминалистики”
Минюста Республики Беларусь*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗВУКОЗАПИСЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Начало фонографическим исследованиям в Республике Беларусь было положено в 1994 — 1996 годах. Тогда количество исследований, выполняемых за год, составляло нескольких десятков. На современном же этапе в двух республиканских экспертных учреждениях — Центре судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции и Государственном экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел* — выполняется ежегодно более пяти сотен криминалистических экспертиз звукозаписей (далее — КЭЗ).

Постоянный рост количества КЭЗ стимулировал развитие средств криминалистического исследования. Благодаря накопленному опыту, непрерывной разработке экспериментально-теоретической базы, подготовке методик исследования фонограмм, внедрению в производство специальных аппаратно-программных комплексов (далее — АПК), значительно расширился круг конкретных задач, решаемых в ходе экспертного исследования звукозаписей. Сегодня заключения экспертов-фонографистов используются в качестве источника доказывания весьма

* В редких случаях КЭЗ проводится и в Центре специальных технических средств и криминалистических исследований Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.